

Сепаратизм и терроризм на Кавказе. Позиция России

Александр Скаков

начальник отдела проблем ближнего зарубежья
Российского Института стратегических исследований (РИСИ), Москва
кандидат исторических наук

События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними военная операция США в Афганистане быстро и кардинально изменили международную ситуацию. Россия, как и все другие страны постсоветского пространства, без колебаний сделала свой выбор, поддержав США в борьбе с международным терроризмом.

Тем не менее, Россия не может согласиться с расширенным толкованием антитеррористической операции, когда ярлык «терроризма» и борьба с этим фантомом используются как средство решения сиюминутных политических проблем. Нет никаких оснований прибегать к расширенному толкованию терроризма, к примеру, объединяя его с сепаратизмом. Необходимо четкое разделение понятий.

Сепаратизм – это политическое движение или режим, целью которого является отделение от государства его части, создание на ней нового независимого государства и дипломатическое признание этого государства международным сообществом. В случае достижения этих целей сепаратистский режим перестает быть таковым. От сепаратизма отличается ирредентизм – движение за отделение с целью последующего присоединения определенной территории к соседнему государству. Ещё более от сепаратизма отличается автономизм, не посягающий на территориальную целостность государства. Сепаратистские движения могут использовать в своей деятельности террористические методы, но и силы, борющиеся за сохранение территориальной целостности государства также иногда прибегают к методам терроризма. Последний пример этому – действия Израиля в Палестинской автономии.

В настоящее время на Кавказе существует один из наиболее опасных очагов международного терроризма. Это Чечня. Здесь терроризм стал следствием объединения радикальных исламистов и националистов. Эти силы используют террористические методы для борьбы против центральной власти, для запугивания населения всей страны и для расправы со своими политическими оппонентами в самой Чечне. Другие потенциальные очаги терроризма на Северном Кавказе, а именно в Дагестане (села Кадорской зоны), Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии в настоящее время нейтрализованы и не представляют реальной опасности.

В этой связи опасность представляет все ещё существующий очаг терроризма на территории Панкисского ущелья Грузии. Здесь до недавнего времени компактно проживало 5-6 тысяч чеченцев-кистин, 1,6-1,7 тысяч осетин, 1-1,1 тысячи пшавов и менее 1 тысячи тушин. Ещё после первой войны в Чечне в

ущелье появились проповедники ваххабизма, торговцы оружием и наркотиками, уголовники. После начала второй военной операции в Чечне в ущелье перебрался вооруженный до зубов отряд террориста Гелаева. Следствием этого стало бегство из ущелья большей части осетинского и грузинского населения и превращение Панкиси в криминальный анклав, не контролируемый центральной властью Грузии. При этом вплоть до недавнего времени официальный Тбилиси упорно отрицал наличие проблемы Панкисского ущелья и присутствие в нем террористов. Панкисское ущелье стало камнем преткновения в российско-грузинских отношениях.

Постепенно становилось все более очевидно, что руководство Грузии стремится использовать Панкиси и окопавшихся там террористов в своих политических интересах, в том числе, для давления на Россию. Подтверждением этого стал кровавый рейд банды Гелаева в Абхазию, организованный силовыми структурами Грузии. Трудно расценить это иначе, как поддержку режимом Шеварднадзе международного терроризма. Методы терроризма использует и поддерживаемое официальным Тбилиси руководство так называемой Абхазии в составе Грузии, ещё менее легитимное, чем нынешнее сухумское руководство.

В этой связи удивление вызывает стремление официального Тбилиси представить правящие в непризнанных Абхазии и Южной Осетии режимы как пособников международного терроризма. Абсолютно абсурдны и безосновательны обвинения в адрес властей Сухуми в связях с Бен Ладеном, «Аль-Каидой» и другими одиозными персонажами. Не следует забывать, что международный терроризм в настоящее время тесно связан с радикальным исламом. Большинство населения Абхазии относит себя к христианам. Абхазский сепаратизм, сохраняющий ещё некоторые элементы ирредентизма, ставит своей целью все же не присоединение к России, а построение собственного независимого государства. Ближе к ирредентизму находится Южная Осетия, что связано с разделенным положением осетинского народа.

Возникает ощущение, что официальный Тбилиси пытается использовать борьбу международного сообщества с терроризмом для решения своих задач, для насильственного восстановления территориальной целостности. Нечто похожее в позиции Тбилиси мы наблюдали и во время кризисов в Боснии и Герцоговине и в Косово, когда грузинское руководство, надеясь на поддержку стран НАТО, предполагало использовать в Абхазии модель «принуждения к миру». На наш взгляд, подобное отношение к борьбе с терроризмом, использование её в своих целях, вряд ли допустимо. Обращает на себя внимание и то, что приглашение американских военных в Грузию, первоначально оправдываемое борьбой с террористами в Панкисском ущелье, все более и более начинает связываться с решением абхазской проблемы. От грузинских официальных лиц исходят безответственные заявления, вплоть до изъятий готовности воевать с Россией. Такая политика недальновидна и авантюристична.

Россия, безусловно поддерживая территориальную целостность Грузии, как и других стран постсоветского пространства, считает, тем не менее, что проблема сепаратизма не может быть решена военным путем и любое решение не должно привести к нарушению прав народов, населяющих непризнанные государства. Не допустимо, если имевший место во время грузино-абхазского конфликта геноцид грузинского населения сменится геноцидом многонационального населения Абхазии. Как известно, до войны население Абхазии составляло 525 тысяч человек, сейчас оно составляет около 320 тысяч человек. В случае начала военных действий большая его часть, ещё помнящая зверства гвардейцев

Китовани, превратится в беженцев, волна которых захлестнет прилегающие регионы России. И это не говоря о неизбежной дестабилизации на всем Кавказе, которая станет следствием новой полномасштабной войны в Абхазии. Поэтому Россия, конечно, не может допустить военного сценария решения абхазской проблемы. Не допустимо и военное решение южно-осетинской проблемы.

Безусловно, решение проблемы статуса и будущего Абхазии и Южной Осетии должно быть достигнуто, в первую очередь, на прямых переговорах официального Тбилиси с властями Сухуми и Цхинвали. Россия может выступать только в роли посредника и гаранта. К сожалению, пока ни руководители непризнанных государств, ни руководство Грузии не готовы к поиску компромиссов и взаимным уступкам. До тех пор, пока официальный Тбилиси будет использовать оскорбительные для южных осетин термины «Самачабло» и «Цхинвальский регион», обосновывать в псевдонаучных трудах прищлость абхазов-апсуа, поощрять терроризм в Гальском районе и использовать международных террористов в своих целях – перспективы мирных переговоров представляются достаточно туманными.

Заявление

Опубликованные мнения принадлежат авторам и не являются официальной точкой зрения Министерства обороны Великобритании.